

Философия ЭКОНОМИКИ

8 декабря 1998 года члену редколлегии нашего журнала, доктору экономических наук, заместителю директора ЦЭМИ РАН Валерию Григорьевичу Гребенникову исполнилось 60 лет. Редакционный совет и редакционная коллегия журнала "Экономическая наука современной России" сердечно поздравляют юбиляра, встретившего свой почтенный юбилей в расцвете творческих сил! Об этом красноречиво свидетельствует его статья, публикуемая в этом номере. На наш взгляд, опубликование этой необычной для экономического научного журнала работы юбиляра позволит читателям его научного таланта еще раз оценить своеобразие и синтетичность его дара экономиста, тонкого философа, обаятельного и доброжелательного человека.

Мыслимы и креатиды

В. Гребенников

Мыслима – это не мысль, но то, что может стать мыслью при благоприятных обстоятельствах. Например, если объект размышления преобразится настолько, что станет похож на представление о нем автора. Или вдруг преобразится сам автор и доведет свою мыслиму до конца. В том числе до логического, т.е. до полного ее отрицания.

Креатида – созданная воображением фигура (образ, понятие, формула), предназначенная главным образом для того, чтобы поддержать высокое мнение автора о самом себе.

1995, сентябрь

Жизнь обреченно конфликтна. Нет такой точки жизненного пространства, которая не пронизана грозовой атмосферой. Все было бы понятней, сиди мы в зрительном зале перед сценой, разделенной на клетки, в каждой из которых – своя драма. Но перед нами нет такой ячеистой сцены. Во внезапных молниеразрывах неба – где черного от туч, где ослепительно ясного – мелькают

картины, одна за другой: взаимная ненависть "верхов" и "низов", склока между Ивановым и Петровым, противоборство Бога и Дьявола... Конфликты жизни не соположены (пространство) или последоположены (время), но и не надположены (иерархия). Нельзя сказать, что конфликты между Ивановым и Петровым, между работником и хозяином, между США и Россией, между Системой и Жизненным Миром Человека – суть частные проявления конфликта более общего порядка, конфликта между X и Y

как конечными противоборствующими сущностями, которые могут быть названы.

В истоках жизни, наверное, вообще существует только конкретное, не упорядоченное по ступеням иерархии.

Любое суждение, доведенное до логического конца, становится внутренне невозможным, исчерпавшись, оно как бы умирает. Только Бог вечен. Бог – это неумиряющее суждение, никогда не исчерпывающееся высказывание. Или суждение о неумиряющем.

Бессознательное как феномен общества (определенным образом институционализированное). Аналоги эффектов вытеснения, сублимации и прочих психоаналитических "штучек" на уровне общества – существуют ли они?

Бодрствование (= сознание) есть состояние взаимной причастности души и мира, взаимной фокусировки души через мир и мира через душу. Мир – линза, через которую душа обнаруживает себя как точку схождения лучей, а душа – линза, через которую мир обретает четкий образ, ясные очертания.

Формула судьбы: может произойти только то, что произойдет. Может – значит, необходимо. Необходимо *шире* возможного. Формула причинности: возможное шире необходимого.

Есть невозможное и не "возможное". Невозможное есть все, что не необходимо. Все, чего не "будет". Возможное не есть отрицание невозможного, а противоположность ему. От-

рицание невозможного – это необходимость. Все, что не необходимо – невозможно.

Формула жизни: будет – но не "возможно". Избыток необходимости над возможностью.

Жизнь есть осуществление возможности.

Поток жизни заполняет любую возможность, и в этом смысле он делает все возможное необходимым.

Можно ли создать жизнь (искусственно воспроизвести ее)?

Нет! Мысль всегда идет *впереди* своего создания, то есть она может воссоздать только *мертвое*.

Мысль сжимается до результата. Жизнь расширяется – распирает, рвется, плещет (Гете) – *до судьбы*. Мысль результатостремительна. Жизнь результатобежна. Мысль ищет необходимое. Жизнь бежит от необходимого – и находит судьбу. Она судьбостремительна. Она *испытывает* свою судьбу: стремится достичь формы, облика, который есть ее максимальная *полнота*, то есть ее судьба. Жизнь избыточна, и в этом избытке – вся жизнь.

Тайна живого в виляющем хвосте собаки.

Длеть прошлое, ощущая себя точкой приложения сил, подпирающих и возбуждающих "со спины", из распростертого за тобой бесконечного пространства.

Длеть будущее, проникая взором за горизонт, в бесконечное пространство впереди, каждая точка которого – приложение твоей силы.

Длительное настоящее, задерживая, преодолевающая мимолетность мгновения – "остановись, мгновение, ты прекрасно" (Гете).

Человеку доступно только одно из этих мироощущений. Да и то не на выбор, а по предписанию его культуры.

Случай, возведенный в чудовищную степень, меч судьбы, разящий направо и налево без разбора лиц и характеров. Слепая сила, в проявлении которой к конкретному человеку нет никакого знака – знака милости или возмездия, знака высокого предназначения или предуготованного ничтожества.

Это – одна тема человеческой судьбы (античная трагедия), одна форма переживания судьбы и один образ жизни: наслаждайся моментом, забудь о прошлом, ибо в нем нечего расшифровывать, и не думай о будущем, потому что в грядущих событиях, кнутах и пряниках, которые тебе достанутся, нет ничего, что готовилось бы лично для тебя, а не для определенной ситуации, для определенной роли в этой ситуации.

Спустя века, новая тема: характер, противостоящий случаю, *призывающий случай*, чтобы испытать силу его воздействия на свою жизнь и силу своего первенства над ним. Случай низвергается напряжением деятельной воли до малого, несущественного. Случай, грозно вырастающий на пороге трагедии, ступенька, отступает за кулисы в ее конце, а то, что остается на сцене – это и есть явленная воочию судьба. Знак судьбы – не в случае, а в переживании ничтожества случая, в ощущении полноты и напряженности воли, испытующей случай своим устремленным в будущее порывом.

Символ Китая – горизонтальная плоскость (прямая линия). Когда китаец хочет выразить высоту, он рисует одну линию над другой, выстраивает одну плоскость над другой (пагода).

Символ России – горизонтальная плоскость с восставленным к ней перпендикуляром. Башня, вздымающаяся над равниной. Плоская церковь с "торчащей" колокольней. *Царь над демократией*. Самодержавие + братство (Шпенглер).

Россия настолько велика, что пространства ее постоянно переходят в свою противоположность. Что противоположно простору? Круг. *Россия – множество точек, равноудаленных от центра*.

Россия настолько пестра, что пестрота ее постоянно переходит в свою противоположность. Что противоположно пестроты? Чернота. Отсутствие всякого цвета, всякого разнообразия. *Национальный флаг России должен быть бело-черным*. Белый – всевозможные цвета (потенциальный спектр). Черный – не один из цветов, а противоположность всем цветам вместе.

Россия настолько "между" всем и вся – Европой и Азией, современной и древней цивилизацией, финнославянином и славяно-татаринном – что ее межеумочность, переходность постоянно вступает в свою противоположность. Что является противоположностью промежуточному, переходному? Перевертыш Мебиуса.

Россия – вечный странник. Двигаясь все время вперед, мы возвращаемся к исходной точке, исчерпав и "эту" и "ту" грани русской плоскости..

С наступлением стадии цивилизации (Шпенглер) жизнь как самоочевидное становится *проблемой* и требует самоинсценировки с помощью средств, добытых познанием. Жизнь становится спектаклем.

Пестрое разнообразие книг и другой продукции "идейного плюрализма" – пропаганда американского коммунизма, прикрывающая духовный террор общества (Руссо, Шпенглер). Все это пиршество стоит в таком же отношении к подлинной духовной свободе, как бурлящий поток агитпропа – к подлинному коллективизму и красоте одухотворенной социальной жизни.

Этический социализм – мироощущение, для которого очевидны возможность и право повелевать, насаждать вовне свое мнение. Выхлестывающее наружу рвение. Воление на расстоянии: должны, обязаны не только близкие, но именно *все* без разбора. Безграничность воли – и в неограниченности дистанции до предмета воли, и в неограниченности аспектов воли: обязаны все и *во всем*. Сама форма морали предполагает в качестве предмета не конкретного человека, а все "человечество", и цель воления – всеобщий порядок, притом "единственно верный".

Раздвоение мира права на физические и юридические лица глубоко символично. Римское право его не знает. Социализм как политическая и экономическая система его не приемлет. Если юридические лица и существуют здесь, то, за редкими исключениями, только как публичные, но не частные,

своего рода лики государственного образа, то есть сохраняя прямую связь с бытием политического тела как физического лица определенного рода, наделенного волей и внутренними, "естественно" присущими ему правами и обязанностями.

Христос своей *добровольной жертвой* освободил людей. Этот символ предельно ясен. Но от чего освободил и что дал этой свободой? Смерть Сократа также вызвана столкновением с догматами отвергнутой им веры, но она не стала великим символом, легшим в основу новой веры.

Избавил от страха перед грозным Богом, чтобы в сердцах "высвободилось место" для любви? Освободил от проклятия, лежащего на всем человечестве за прошлый грех *одного* человека, чтобы возложить на каждого *личную* ответственность за всех, а не только за себя? Освободил от суеты приискивания милостей божиих ради идеи коллективного спасения?

Освободил от одной судьбы – чтобы дать другую?

Идея обладает непосредственно переживаемой внутренней достоверностью, убеждающей сразу и всецело, а не постепенно и по частям. Она достается не каждому, и в самом этом избранничестве – тоже глубочайший смысл, подчеркивающий непосредственную достоверность идеи. Понятие доступно всем, его смысл – универсальная явленность разуму, оно – общее достояние. *Таким оно создается*. Поэтому любое понятие относительно, оно то, что признается (и пока признается) или претендует (и пока претендует) на признание все-

ми как достоверность. За пределами явленности всем – действительной или предполагаемой – понятие исчезает.

Идея же, поскольку она явилась избранному, явилась как абсолюте, безотносительна тому, есть ли она или ее нет для другого.

1995, декабрь

Формула личности: **Я – это мои другие.** Я есть не-Я, но без отождествления других со мной, то есть не-Я не есть Я (Руссо).

Две идеи:

Я есть Я (индивидуализм).

Я есть не-Я (социализм).

Эти идеи – осколки формулы личности.

Взятые отдельно, они конфликтны – и неустойчивы, соскальзывают друг в друга как бы "с изнанки".

"Я есть Я" соскальзывает в формулу "Я не есть Я", то есть в самоотчуждение, объективацию (Бердяев).

"Я есть не-Я" соскальзывает в "Не-Я есть Я", самоунижение.

Свобода личности примиряет эти конфликтные идеи. Но разве сам конфликт, присущий личности, исчезает?

Бог – последняя внутренняя граница. Природа, "мир" есть внеположенное, есть то, что соприкасается только своими внешними гранями. Но есть и внутрисложенный мир, то, что соприкасается своими внутренними гранями. Внешнее – это то, что определяет конец. Внутреннее – то, что определяет начало.

Понятие социализма есть социализация Понятия.

Если социализм – самонадеянность разума (Хайек), то либерализм – разум самонадеянности.

Но социализм есть не только научное понятие, а и философское откровение. Он так же относится к внешнему миру, как и к духовному опыту, опыту творчества личности.

Есть Истина и *бытуют* истины. За раздробленными, частными истинами встает Система как мертвый универсум, как некрополь, где частное занимает свое место и покоится в нем. За Истиной стоит живая конкретность.

В основе познания лежит пафос намерения, познание – это путь субъекта. В начале – пафос, ориентированное напряжение, потом размышление. Я знаю, к чему я приду, *но приду ли – не знаю*. Путь к истине есть путь истины, но он не может быть гарантирован.

Мы видим один и тот же мир, или *объективно*, потому что принуждаем себя видеть мир без явного присутствия других, а значит, и без себя. Мир, из которого вытравлено чисто личное восприятие, есть не объективный, а *объективированный* мир (Бердяев). Истина в том, чтобы видеть мир по-своему, но в то же время и так, как он представляем другими. В том, что мы видим мир одинаково, есть польза для сотрудничества – и огромное несчастье, потому что это принуждает жить в

чужом и уже готовом. Согласовывая между собой картину мира, мы не приобщаемся к картине мира другого, а обобщаем картину мира, отказываясь от своей и от чужой субъективности. Научная картина мира раздроблена, состоит из лоскутов, оставшихся после выбрасывания именно тех деталей, которые придают миру конкретную целостность в экзистенциальном опыте человека. Приспосабливаясь к этому раздробленному миру, человек становится его рабом.

На объективацию работает культура, работает наука. Их общая задача – добиться всеобщности мира через символизацию духовного опыта. Мир объективен именно как символ, система символов, как аллегория.

И в то же время именно наука и культура суть те сферы, где наиболее активна субъектность, творческий дух человека. Здесь чаще всего бывают прорывы в другой мир, в мир субъективный.

Мышление продукт человека. Но и человек продукт мышления.

Ибо человек делает в мышлении то, что он делает в жизни. Поэтому переделать жизнь с помощью переделки мышления невозможно.

Нельзя даже "выйти" из жизни с помощью мысли. Можно лишь подтвердить в мысли то, что есть в жизни, пережить в мысли то, что переживается в жизни. Что и есть критика мыслью. Маркс высказывался близко к этому. Он считал, что надо менять жизнь, тогда изменится и мышление. Но нельзя изменить жизнь, если под изменением понимать большее чем частности, если сохраняется состояние отчуж-

денности, коренящееся в самом субъекте, в его существовании, которое есть также и мышление. То, что человек делает в жизни – это не базис. В субъекте нет ни базиса, ни надстройки.

Человек существует и в мышлении, и в практической жизни. Не отражает в мышлении практическую жизнь, а именно существует в нем.

Когда человек с помощью техники ставит себе на службу природные законы, он отчуждает себя в технике. Одновременно он становится рабом понятий, точнее, рабом одного из способов субъектности, который называется наукой с ее эмпиризмом и всеобщностью.

Говорят, человек добился правового устройства общественной жизни (всеобщих норм) и тем самым освободил разум, разум развил науку, а наука воплотилась в технике. Идиллия! Но ведь на это можно взглянуть иначе.

И система права, и наука, и техника – это воплощения всеобщности, следования инструкциям, ипостаси внеположенного мира. Все это – символические выражения структуры субъекта, сама типичность которого есть тоже символ всеобщности, внешнего принуждения к кооперации, осуществляемого через подчинение частного целому ряду генерализаций (фикция права, фикция денег, фикция государства).

Речь идет о генерализациях особого калибра. Это не органические, а технические генерализации. Органическая генерализация: род как предсущество индивида, реализм понятий (из общего выводится част-

ное). Техническая генерализация: государство как общественный договор индивидов, номинализм понятий (общее выводится из частного).

Критика фетишизма – главная заслуга Маркса. Над ней стоит задуматься, когда решаешь вопрос "а что на самом деле?".

Фетиш – символ отчужденного бытия – это, как будто, "не на самом деле". Но! Иллюзия как реальность – основной сюжет концепции отчуждения.

Человек не живет в мире. Человек сам есть мир, но этот мир расколот. Мир не живет в человеке. Мир сам есть человек, но этот человек расколот.

Все, что в этом мире воспринимается как разделенное и что по существу разделено, есть следствие отчуждения, отделения одного человека от другого.

Бердяевская "объективация" берет одну сторону. Падшесть мира есть не только объективация. Падшесть мира есть его *вывернутость наизнанку*: внутреннее выплеснуто наружу, внешнее (изначально было и внешнее!) оказывается внутри. Единство субъект-объект разорвано из-за перемены мест.

В основе лежит конфликт существования, а не конфликт между существованиями. Существование единственно, но не едино.

Собственность – один из продуктов объективации. Собственность разрывает единство человека и вещи, превращает вещь в неуничтожаемое право, а человека – в абстрактного субъекта права, субъектность которого лишена возможности сде-

лать вещь подлинно своею. В этом смысле собственность противоположна присвоению. Разрывая узы органической сцепленности человека с вещью в архаических обществах (и это служит ему на пользу), собственность в то же время уничтожает осмысленность вещи, ее творческую связь с человеком. Это видно в праве собственности: его главный смысл негативен, а не позитивен, это не право на присвоение, а *право запрета на присвоение*. Будучи негативным по смыслу, право собственности теряет связь с конкретностью и человека, и вещи и поэтому легко отчуждаемо в обмен на встречное отчуждение аналогичного права.

Уничтожить собственность можно двумя способами. Ликвидировать право запрета, но не сам запрет (что и было осуществлено в СССР, ибо право государства не есть право, по крайней мере – не отчуждаемое право). Или: ликвидировать запрет на присвоение.

В этом мире запреты необходимы, то есть второй путь нереален. Следовательно, можно лишь ликвидировать правомочие запрета, заменив его обязательством запрета в определенных, оговоренных законом случаях. Собственность, как и власть, надо превратить в бремя, тогда как сейчас она – привилегия.

С Адама Смита обнаружилось метание между двумя объективациями: ложью индивидуума и ложью государства. Ложь о "невидимой руке" служит оправданию порабощения человека его собственным эгоистически самоутверждающимся "я". Ложь о государстве оправдывает рабство перед объективированной властью. Идея соци-

альных гарантий – тоже ложь. Иллюзия свободы эгоиста неизбежно приводит к иллюзии гарантирующей и направляющей роли государства.

Отнимите у государства все, что привлекает к его вершине властолюбцев и рабы души – и отпадет главный мотив, которым испокон веку оправдывались все преступления во имя государства: *угроза смуты*.

Сила, осуществляющая порядок, не должна иметь лица и слепить блеском. В этом отношении безликая верхушка брежневских времен – как раз то, что надо. Отберите у этой верхушки избыток власти, все, что сверх самого необходимого для исполнения функций государства, что не служит власти как цели для самой себя – и вы получите идеал.

Прикрываясь своими подлинными обязанностями перед обществом, власть присваивает себе верховные права, тогда как никаких прав у государства быть не может, как не может быть вообще права властвовать. Публичная власть – это только бремя.

Прикрываясь своими фиктивными правами, торжественно объявляемыми "священными", государство превращает себя в самоцель, которой все обязаны служением – тогда как государство должно быть только средством и "священны" разве что его обязанности.

Объявляя себя самоценным, государство стремится приписать эту самоценность лицам власти или одному лицу – тогда как государство должно быть максимально обезличено.

Парадокс в том, что государство присвоило себе основные черты личности. Как и личность, оно во всем, и все в нем. Оно есть символ самого себя. Но нет в нем главного, что действует в личности – духа. Государство стремится стать "всесторонне развитой личностью" в ущерб личности человека. Государство – это ложная личность. Государство – это Я в кавычках. Чем больше государство есть лже-личность, тем меньше каждый человек может быть личностью подлинной.

Государство – это антипод *личности*, а не *индивида*. Напротив, государство и индивид могут быть союзниками против личности.

Сталины или цезари приходят сами. Если голосовать – то есть действовать так, будто что-то зависит и от тебя – так уж за силу, олицетворяющую власть *безликую*, за людей *тусклых*. Такая власть лучше исполняет свои обязанности. Впрочем, став властью, эти люди не усидят на месте. Им непременно захочется перекраивать жизнь по меркам посредственности.

Два лифта рядом, в одной шахте: лифт власти и лифт актерства. Власть существует для себя, актерство – для публики.

Бывает, что соперничающие группы элиты приглашают участвовать в своих разборках актеров. Тогда актеры становятся властью и сами образуют элиту.

Какую роль в этой модели двух лифтов играет масса?

Масса активна только как публика, вознося актеров на верхние этажи. В параллельном лифте власти масса пассивна. Здесь она угнетаема. Но зато несет в себе

более мощный заряд. Ненависть к власти, выражающаяся в отстраненности, в неповиновении, в прямом сопротивлении – непреклонна, если она уже возникла. Ненависть массы связывает властвующую элиту, сбивает отлаженный ход лифта власти. Напротив, в этой ситуации соседний лифт работает особенно активно. Наступает лучшее время для актерства и его вознесения во власть.

Первичная реальность есть *смысл*. Дух есть смысл, царство духа есть царство смысла. Смысл живет в сообщении, передается в сообщении. Вне сообщения, вне передачи нет и смысла. Он то, что передается, и не может быть тем, что лежит "в заголовке", покоится вне акта "от – к". Поэтому смысл всегда не бытие "в", а бытие "к". Сообщение есть со-общение. Поэтому смысл и любовь – ближайшие родственники или одно и то же.

Первореальность есть сообщение-смысл. Передача смысла есть весть. Взаимная передача, передача вместе есть со-весть, общая весть. Дух есть совесть.

Экзистенция человека есть передача смысла, сообщение, весть, со-весть, со-бытие – и одновременно поиск смысла, мучение совести (то есть трагическое ощущение отдельности, неслиянности с другими, одиночества), ожидание со-бытия (особо острое в религиозном экстазе). Здесь – главный конфликт человеческой жизни.

Одно главное слово в двух ипостасях: общение и весть. Перетекающих друг в друга, переливающихся оттенками. Общение – сообщение – весть – совесть – общение.

Ключ ко всему – во встрече. "Я и ты" (Бубер). Встреча есть со-бытие. Встреча спонтанна, произвольна, неожиданна. Она возможна лишь как свобода. Встреча есть рождение смысла. Встреча есть универсальная формула мира. Встреча совершается не вне времени и не вне пространства. Она над временем и над пространством, она их преодолевает. Время и пространство, наоборот, существуют только вне встречи, в состоянии одиночества человека.

Органическое состояние социальной жизни: дух неотделим от инстинкта (Бубер). Неорганическое состояние сопряжено либо с потерей духа в чисто инстинктивном поведении (что не противоречит рациональности, вопрос лишь в том, что движет "разумом" – инстинкт или дух, темное или светлое начало), либо в аскезе духа, его отчаянном стремлении порвать с инстинктом.

Место *доверия*, где человек выступает по отношению к другому как целостное, инстинктивно-разумное существо, заступает *кредит*, доверительное отношение между осколками человеческих существ, выражаемое через деньги.

Либерализм есть доктринальное выражение *индивидуалистической утопии*. Социализм – доктринальное выражение *утопии коллективизма*. Разница в том, что индивидуализм старше по историческому возрасту (Бубер). Следовательно современный индивидуализм тянет *назад* по сравнению с коллективизмом. Коллективизм – последнее прибежище человека перед бездной, в которой открывается вся правда. Современное западное общество есть общество *коллективистское*. XX век есть век изживания коллективизма, как

XIX век был веком изживания индивидуализма.

Бытие достигает максимальной конкретности, когда оно обладает всеми управлениями в лингвистическом смысле:

Бытие – *к, от, для, с, о* и т.д.

Конкретное бытие есть существование, отношения существа, само существо *во всех своих напряжениях, отражаемых в предлогах языка.*

Мир как имя существительное:

- Мирочеловек (имен. падеж, изначальное, нераздельное).
- Мир исходит от и для человека (род. падеж, позитивизм, техницизм, индивидуализм).
- Мир открыт, принадлежит, устремлен к человеку (дат. падеж, коллективизм).
- Мир создал, облагодетельствовал, наказал человека (вин. падеж, человек – объект мира, материализм).
- Мир существует человеком, полон или покинут человеком, любим или ненавидим человеком (твор. падеж – экзистенциализм).
- Мир в человеке и печется о нем (предл. падеж, человек есть мысль о мире, мир есть мысль о человеке – рационализм).

1996, июль

Метафизика.

Исходное: Это, его Бытие и Инобытие.

Инобытие есть полное Это. Бытие есть пустое Это.

Инобытие есть завершенность, конечность вовнутрь. Бытие есть завершенность,

конечность вовне. Инобытие имеет только внутренние, бытие – только внешние грани.

Бытие является и исчезает (становление). Инобытие наполняется и исчерпывается. Бытие исчезает в полноте инобытия.

Инобытие исчерпывается, опустошается в явленности бытия.

Бытие мерцает. Инобытие пульсирует.

Полное вневременно и внепространственно. Опустошение (явление) и наполнение (исчезновение) происходит в бытии.

Бытие имеет язык, понятный ученому и художнику, любому человеку, любому существу, хотя и в разной степени. Бытие само есть язык, структура, включающая категории и отношения: идеальные (пространство и время, часть и целое, причина и следствие, точка и прямая и т. д.) и материальные (вещи, поля и их взаимодействие, организмы). Категории относительны, то есть выражены друг через друга. Отношения категориальны, то есть они только разделяют и группируют, связывают разделенное, они только притяжение и отталкивание. Бытие, как и человеческий язык, живой или искусственный, будучи структурой, обречено на неполноту. Оно относительно, не может быть одновременно полным (замкнутым) и непротиворечивым. Противоречия – это неизбежная расплата бытия, как и человеческого языка, за стремление к "полноте" выражения.

"Язык о бытии" (знание, образ) есть то же самое, что "язык бытия о" (явленный мир, в том числе мир науки и искусства). Бытие всегда "для" и никогда "в себе". Художнику, познающему образами, лучше даётся момент появления и исчезновения.

Образ мерцающего бытия уловлен именно художниками в поэзии, живописи, архитектуре. Ученому, оперирующему понятиями и числами, лучше дается момент пребывания. Имманентность бытия сознанию содержит в себе мед и горечь. Ведь сознание так же обречено на неполноту и противоречивость, как и бытие.

Инобытие немо. Оно не нуждается в языке, и язык о нем невозможен.

Бытию можно только со-бытийствовать, познать его – только как событие, в со-бытии с ним, мерца. Инобытие можно только найти и потерять. Найти, не овладев, потерять, не упустив.

Многие из нас знают: полнота – это счастье. Но счастье – всего лишь чувство, напоминающее нам в бытии о состоянии, которое мы потеряли, исчерпав до конца.

Бытие анонимно. Но у него много громкопроизносимых имен. Ведь бытие не только вычислено, но и пронумеровано.

Инобытие персонально – предельно конкретно, оно имеет имя, оно есть у имени, оно есть имя. Но это имя непроизносимо.

Бытие и инобытие – состояния, чередующиеся фазы Этого.

1996, сентябрь

Непроницаемость лейбницевской монады можно понимать как ее одноповерхностность. Можно ли проникнуть "за", если стороны "за" не существует вовсе?

Наука движется от наборов аксиом (парадигм) к выводам. Наверное, и человеческая жизнь тоже лежит между аксиомами

(Презумпциями) и выводами (правилами поведения, в форме обычаев, правовых систем, общественных институтов, технологиями, полезностями – все это вместе называется данной культурой). Презумпции (символически выражаемые в "праобразах", "архетипах" и т.п.) развертываются в морфогенезе данной культуры через человеческую деятельность во всех ее измерениях – экономическом, политическом, религиозном и художественном.

Сама Презумпция – сложная структура, своего рода гетевская праформа, первичная информационная клетка. Она возникает спорадично (не из какого-то процесса с причинно-следственной структурой) и сразу (сама не есть процесс). Презумпция – не начало и не конец, не причина и не цель человеческого опыта, включая духовный, мыслительный и нравственный. Она его структурный стержень, код, ключевое правило его упорядочивания. Презумпцию можно распознать, но ее нельзя вывести.

В свое время экономику назвали воплощенным алгоритмом решения задачи линейного программирования (В.Леонтьев). Обобщая этот образ, можно сказать, что человек и его общество есть воплощенный алгоритм развертывания выводов из аксиом.

Две "сакральные", т.е. опирающиеся на Презумпцию недоказуемости, монополии: государство (монополия на принуждение) и собственность (монополия на присвоение). И та, и другая монополия носят вещный, в юридическом смысле, т.е. не обязательственный, характер: они обязывают без согласия. Вытекающие из них обяза-

тельства не предполагают заранее выявленное согласие их выполнять. И в том, и в другом случае сила как явление воли или договор между субъектами воли не служат непосредственным основанием монополии, хотя без того или другого или обоих вместе эта монополия бездейственна. Иными словами, отсутствие силы или договора не является основанием для оспаривания монополии, но может быть причиной ее фактического игнорирования. И та, и другая монополия воплощены в границах: государство в территории, собственность в вещи, даже если последняя и неосязема (промышленная собственность). Наконец, в обоих случаях кажется, что существо дела заключается не в монополии как определенной форме отношения, а в ее объекте как содержании отношения: государство якобы есть принуждение, собственность якобы есть присвоение.

"Жизнь кончилась, а я так и не узнала, что к чему" (Ф.Раневская). Вот именно! Если я – песчинка, капля, молекула и т.п., тогда зачем мне знать это или того больше – сомневаться в этом?

Песчинке не нужно сознание. Если моя жизнь – только цепь случайностей, перемежаемых моими собственными прихотями, то зачем мне дано знать о неизбежности смерти?

Экзистенциальная философия ищет тайны мира человека не в его внешних определениях (культуре, экономике, политике и т.д.), то есть не в том, о чем человек думает или что делает, а в глубине его существования, не во внешнем, а во внутреннем ду-

ховном опыте. Там она находит гроздь неразрешимых конфликтов, делающих человеческую жизнь трагедией. Едва ли правомерно считать, что эти конфликты можно иерархизировать, то есть подвести их все под какой-то изначальный, исходный, главный. Разломленность человека тотальна.

Может быть, глубже всего лежит конфликт в человеке как твари и творце. Бог создал человека, но ведь речь идет не о кукле, не о роботе... Актом творения был создан творец. Что может творец передать творцу, так сказать, из рук в руки, чем он может поделиться с ним? Ничего и ничем. Что он может обещать ему и чем он может ему помочь? Ничего и ничем.

Человек экзистенциально неудовлетворен своей жизнью и не может быть удовлетворен ею никогда. Он неудовлетворен животной жизнью не потому только, что ему мало животных радостей. Его изобретательность по части расширения удовольствий и кругов безопасности от природных угроз – т.е. утилитарная изобретательность и существующая для ее обслуживания наука – не дают удовлетворения, потому что ему надо чего-то еще. Чего-то другого. Ему надо быть выше твари, безмятежно радующейся дарованной жизни. Ему надо хоть какой-то компенсации несчастья родиться со знанием о неизбежности смерти.

Заметим попутно, что эта утилитарная изобретательность резко активизируется в периоды максимального обострения религиозной проблемы. Не наука повинна в упадке религии. Наоборот, упадок религии повлек за собой бурное развитие науки.

Человек неудовлетворен и так называемой духовной жизнью, неутилитарным изобретательством. Нет ему бессмертия в творчестве, и разочарование еще сильнее, потому что творчество манит бессмертием, воспламеняется близостью к нему. Близостью подлинной, не иллюзорной.

Экзистенциальная экономика – это экзистенциальная проблема человека в экономической сфере. Это взгляд на экономику как проявление глубинных разломов человеческого существования. Борьба классов – лишь поверхностные колебания социальной почвы. Неравенство как возбудитель этой борьбы есть одновременно детонатор процессов, в которых разряжается трагическое напряжение человеческой души.

Ординарное и уникальное. Ординарное (выявленная или организованная одинаковость, общность явлений) есть предмет науки. Но оно одновременно и ее цель. Сама наука существует, чтобы **принудить** к ординарности как можно больше людей в как можно большем множестве практических ситуаций. Ординарное и ординарность полезны. Наука, плодящая их, необходима.

Ординарное (реальное, не вымышленное) полезно, но не истинно. Потому что истинное – это оригинал, уникальное, подлинник в отличие от копии. Здесь наука может помочь разве что сбором фактов, изощрением инструментов поиска (экспедиции), но не распознавания. Наука познает не истинное, но правдоподобное.

Наука воспроизводит. Серийная повторяемость, идентичность другому лежит в сути ее произведений. Она отбрасывает все "лишнее", что не укладывается в рядовой образец.

Подлинник всегда избыточен в деталях. Уникальное не просто конкретно, но избыточно конкретно. Оно больше, чем нужно для отличия его от другого, больше, чем нужно для того чтобы сказать: "это есть". Оно больше самого себя. В подлиннике много нецелесообразного, много бесполезного. Уникальность – не одна из черт подлинника, наряду с ординарным, тем, что сближает его с другими. **В подлиннике вообще нет ординарного.** Поэтому науке он недоступен.

Принцип Канта: вещь в себе непознаваема – переиначивается так: подлинник непознаваем, познаваема только копия, точнее – познание в лучшем случае воспроизводит близкие копии, но не воссоздает подлинника. Разница между подлинником и даже самой близкой копией – бесконечно велика.

Необходимое и непреложное. О необходимом мы говорим в связи с движением, с представлением о пространстве, притом не только пространстве механики. Нечто нельзя обойти, пройти мимо. Непреложное есть то, что заключает, исчерпывает в себе все свои возможности. Непреложное есть в этом смысле единственная возможность, всевозможное в одном. Необходимости подчиняются многие. Необходимость одна для многих, многая для одного. Непреложность одна для одного, это необходимость для уникального. Уникальное непреложно. Непреложность – это единственный закон, которому подчиняюсь Я, только Я и весь Я.

То, что уникально в настоящем, в будущем есть судьба. Уникальность живет только в настоящем и будущем. В прошлом ее

нет. Уникальность в прошлом есть ложная уникальность – случай. Это точка пересечения многих необходимостей (Плеханов). Причем универсальных, ординарных, не только для меня необходимостей.

Пространство есть взаимоотталкивание возможностей. Пустое пространство есть место, безразличное к тому, что его занимает. В этом смысле оно есть возможность для всех, универсальная возможность.

Или так: пространство есть образ, выражающий универсальную возможность. Образ конечного пространства, выражающий ограниченную возможность для всех. Образ бесконечного пространства, выражающий безграничную универсальную возможность, для всех и всего.

Физическая необходимость есть логика пространственных вложений. Одно в другом и одно вытекает из другого.

В глубине человеческого сознания – первообразы *пространства* и *потока*. И связанные с ними первоощущения, или прафеномены, наполненности (радости, сопричастности, много-очества) и опустошенности (страха, один-очества)

Первоощущение наполненности динамично. Это несущаяся, плещущая наполненность.

Поток – это первообраз наполненности, исходная ассоциация человеческого мира. Наряду с пространством как первообразом опустошенности, одиночества. Но не все так просто. Первообразы парны, взаимно-относительны. Пространство наполняется. Поток опустошает. Сияющее пространство

– образ радости, наполненности. Черный поток – образ страха, одиночества.

Может быть, есть еще одно первоощущение – ощущение судьбы ("созданности для", слитности начала и конца, доли, удела). Это первоощущение (Наполеон) дается немногим во всей своей полноте, но ведь и другие первоощущения тоже не обязательно резко проявлены у всех – они сублимированы, запорошены схемами общепринятых образов и символов. Они таятся в бессознательном как память о первоощущениях предков или отзвук более ярко выраженных первоощущений рядом живущих людей.

Символ – образ – ощущение.

Символ есть имя или знак образа. Образ есть подобие ощущения.

Целое есть один из образов радости как ощущения полноты, всепричастности, многоочества.

Круг есть символ целого. Круг как символ целого одновременно обозначает безысходность. "Ходить по замкнутому кругу". Целое трагично?

Единство праощущений, праобразов, прасимволов есть единство человечества.

Первоощущения несоподчинены, исходны и законченны. Образы иерархичны и производны.

Верх и низ суть производные образы потока и пространства. Свет и тьма. Добро и зло. Рай и ад. Это более сложные, более контрастные образы, образы "специальные".

Священны не ощущения и не образы. Священны символы. Вокруг них роятся все

заклятия и тайны. Почему человек так тщательно охраняет именно символы? Кажется бы, они ближе к изделиям человеческим, ближе к поверхности. Будто символы – это коды какой-то центральной программы...

Национальная идея – это образ в легко расшифруемых кодах, общезначимых и дорогих (тщательно оберегаемых, или священных) символах.

Образ есть подобие: бескрайнее небо, ровная степь, устремленное ввысь дерево. Подобным человек выражает себя. Небо есть образ пространства как внутреннего переживания человека и одновременно – того, что человек видит вне себя. Образ есть синтез переживаемого с воспринимаемым в фундаментальном контексте человеческого существования. Исходно переживание, образ вторичен как выражение переживания. Но средство выражения – подобное – берется из данного, "внешнего". (Данное и есть внешнее, а внешнее и есть данное. Кроме этого взаимного соотношения в понятиях внешнего и данного ничего нет).

Сквозь смысл проступает образ. Смысл есть соответствие образу, глубокий смысл – соответствие праобразу, Праобраз есть подлинное, смысл есть подлинность, или Истина.

Праобраз как своего рода информационная хромосома, молекула, из которой выстраивается грандиозный организм культуры.

Отличие символа в том, что он рукотворен, содеян. Символ присваивается образу, запечатлевает его.

Человеческое сознание протекает в русле первичных ассоциаций (образов и их связей). В этом смысле можно истолковать кантовский тезис об априорных формах мышления. Мир сознания – мир управляющих и управляемых ассоциаций.

Человек воспринимает в образах и мыслит в формах (причина – следствие, да – нет и т.п.). И образы, и формы суть ассоциации, данные заранее. Но образы – это ассоциации более глубокого залегания.

Время есть тоже первоощущение: утери полноты, точнее – страха перед ее возможностью, **ожидания милости**.

А может быть, время есть более сложный, производный образ, вроде ада илирая, производный от "начала" и "конца"?

Ассоциация "поток времени" – явно более позднего происхождения.

Время, как песочные или солнечные часы, исчерпывается, бежит по кругу, повторяя его раз за разом. Время конечно, дискретно.

Время все разрушает. Время все лечит. С каким образом оно ассоциируется? Старик на обочине дороги, по которой мы уходим от него все дальше и дальше? Дети, которые уходят от нас?

Жизнь есть борьба с временем – потоком распада, окоченением, потерей формы. Жизнь есть **противоход** времени. Жизнь есть создание и сохранение формы, образа. Время есть их разрушение. Вектор времени – это вектор инволюции, упадка, а не эволюции, восхождения. Забота о будущем может выражаться в двух взаимоисключающих формах. Как продление настоящего –

увековечивание, мумификация в натуре (египтяне). Или как "укорачивание" настоящего, в частности, посредством его героизации, если героическое ассоциируется именно с прошлым. Герой уже не принадлежит вполне сегодняшнему дню, это уже перешедший в вечность живой памятник самому себе.

Человек ищет образа жизни и чаще всего находит его в подобию: "быть как другие". Человек ищет образа смерти – и хочет умереть ветераном, *героическим анонимом*, кем-то более значительным, чем он был.

Творчество – "создание нового", "открытие нового"? Нет! Творчество есть следование путем нового, стало быть, есть становление. Но жизнь всегда – становление. Что же такое творчество? Человеческое, "слишком человеческое" (Ницше)? Растрата, эманация избытка? Но жизнь всегда растрата, избыточность составляет ее внутреннее начало. Избыточность жизни противостоит ее целенаправленности, принципам полезности и накопления.

Созерцание истории – творческий акт. Но и сама история есть созерцание, есть творчество. Историк делает историю: точнее, историю делает историк. Душа историка подобна душе истории: она взыскует самоосуществления.

Историческое чутье состоит в том, чтобы в некоторых единичных событиях увидеть **рождение**. Эпохи рождаются, как живые существа. Рождаются в предельно конкретном, разовом, уникальном. Так новая эпоха явилась исторической интуиции Гете в ночь после Вальми. Новорожденный мо-

жет погибнуть. Но если он живет, постепенно вырастет то, что было в нем изначально.

Историческое событие как броуновская частица. Модель истории как подобие броуновского движения частиц-событий. Энергия и безоглядная решимость выдающихся преобразователей, движение масс, наэлектризованных классовыми интересами, грозные силы "коллективного бессознательного" – все эти попытки объяснить исторический процесс идут по разным направлениям, но всегда в их основе модель причинности, модель исторического события как действия хаотических или упорядоченных, микроскопических или сконцентрированных в мощные сгустки сил. Лапласовская модель социологического космоса, где все предопределено.

В подлинной истории действуют не механические системы причин и следствий. И не органические системы общественного целого и его органов. Действует личность, человеческий индивид, и только он. **МЫ** – это ипостась личности, благодаря которой отдельное **Я** становится исторической личностью, достигает исторического масштаба. **МЫ** могут оказаться в единственном числе. Они вообще могут отсутствовать в огромном скоплении людей. Некоторые **Я** становятся **МЫ**, и в этом становлении творится история.

Разумеется, прошлое не **может** быть иным (его нельзя изменить из настоящего). Но прошлое **могло** бы быть иным, если бы что-то случилось не так, а этак. Первым к полю битвы при Ватерлоо мог поспеть Гру-

ши, а не Блюхер. Но ведь это "если бы" – абсурд! Выходит, прошлое могло бы быть иным, если бы оно **было** иным. Было ли возможно другое прошлое? Если да, то сама эта возможность есть факт прошлого, она входит в него. Если нет, тот же результат: прошлое было именно таким, каким оно было и никаким иным. Прошлое необходимо именно потому, что оно прошлое.

Повторим: если возможность иного прошлого была, то это было именно такое прошлое, какое было. В противном случае, т.е. если бы было другое прошлое, то речь шла бы не о возможности, а о действительности. Остается признать, что прошлое безальтернативно, независимо от того, была ли возможность альтернативы или ее не было.

Разрешение этого парадокса заключается либо в том, что существование возможности признается только в настоящем, либо в том, что прошлое признается не единственным. Второе – непредставимо. Остается принять первое. **Прошлое – это настоящее, лишившееся своих возможностей.**

Итак, к возможности нельзя применить слово "была". Поток времени, переход настоящего в прошлое – это потеря возможности, переход от "свободы" к "необходимости". В этом смысл времени и в этом его необратимость.

Необратимость? Но марксов скачок из "царства необходимости" в "царство свободы" означает, что время обратимо. Пусть настоящее передаст прошлому свои возможности! Это значит обмануть время. Сталинская эпоха – то самое. Обман времени, если уж не получился его поворот

вспять. . . Московское метро, это пышно украшенное подземелье. Символ движения вниз к светлой выси. Поворот сибирских рек – тоже символ. Вообще, разворот естественного течения, смена полюсов "от – к" является характерным свойством русского мироощущения.

Лишение настоящего возможности – глубоко значимая операция, оборотной стороной которой является наделение возможностью прошлого .

Особое отношение русских к времени – ключ к российской истории. Настоящее русских всегда безальтернативно, прошлое же предстает как конгломерат событий, насыщенный возможностями и яростной борьбой между ними. Прошлое – царство свободы. Будущее русских не переходит через настоящее в прошлое, а, в силу безальтернативности настоящего, существует само по себе как абстракция или – что то же самое – как предельно конкретная утопия. "Воспоминание о будущем" – парадокс из нашего мироощущения. Генетический изъян русского духа или генетически заложенная в него сверхпрозорливость, сверхчувство?

Радость есть чувство, сопровождающее не сброс напряжения (удовлетворение в модели гомеостаза), а наращивание напряжения. Прилив сил есть не реакция на рост напряжения, а сам этот рост. Нормальным является состояние напряжения, а не покоя.

"Животное после совокупления угрюмо".

Человек ищет внешних стимулов не ради сброса напряжения. Наоборот – это реакция на пустоту, поиск возбудителей напряжения, заменяющий здоровую активность.

1996, декабрь

Предельно большое и предельно малое обладают одинаковыми свойствами (некоторые физики утверждают, что Вселенную, как и элементарную частицу, можно в принципе описать единственным уравнением квантовой физики). Человек живет в срединном мире, ему этот неожиданный стык противоположных горизонтов понять трудно, а наглядно представить – невозможно.

Нечто подобное, надо полагать, имеет место и в социальной плоскости человеческого бытия.

Смещая экономически ориентированный, вымуштрованный аксиомами чисто экономического восприятия и понимания проблем взгляд от "срединных" объектов социального мира – отраслей, предприятий, экономических классов и т.п. – к отдельному человеку, с одной стороны, и к макросоциальным структурам, с другой, мы сталкиваемся со все большими трудностями. Возникает убеждение, к сожалению, пока еще слабо оформленное, в том, что "макроэкономика" есть такая же грубая абстракция, как и "экономический человек". Что общество (если оно живо, а не распадается или не превратилось уже в разновидность механически упорядоченной структуры, техноподобной Системы), как и от-

дельный человек – это своего рода личность, не просто особо сложное, комплексное, но одухотворенное единство, со своей уникальной биографией, со своей судьбой.

Принятие такого взгляда означало бы, что коренную основу общественной целостности надо искать глубже (или выше?) социального бытия человека – всего бытия, если бы даже его картина была, наконец, составлена в богатой палитре красок, с надлежащей глубиной перспективы, а не в одноцветно размалеванной плоскости одной только экономики, политологии, исторической биологии и т.п.. Но сама эта картина, усилия в развитии которой, разумеется, не должны быть ослаблены, может достигать все большей и большей подлинности, жизненности и убедительности, если только настойчиво стремиться разглядеть за ней лики другой реальности – инобытия человека, как и инобытия мира в целом.

Реальности, в которой физический и социальный миры, не теряя многокрасочности проявлений, причинно-следственной обусловленности и постигаемости человеческим опытом и разумом, "овнутряют" (именно так, по-иному не скажешь, не скажешь, что "обнаруживают") и исполняют свой Смысл, единый и неделимый.

Москва, Приютский переулок